

ГЛАВА 1

Бой без шансов

— Варт, проснись.

Ратша. Сергей откинул край мехового одеяла.

— Чего? — тоже шепотом спросил он.

— Вороги. В лесу. Я их заметил.

Хвастун. Но молодец.

Сергей стащил рукавицу, не вставая черпнул снегу и протер лицо. Земля под подстилкой из лапника остыла. Костер? Ага, бревнышко почти прогорело, а нового не положили. Понятно почему. Последний дозор. Ратша и Милош. Значит, скоро рассвет.

— Много ворогов?

— Не ведаю, Варт. Снег дважды упал.

— Давно?

— Порядком. Милош будить не велел. Сказал: пусть спят пока.

Милош — полянин из западных. Бывший дружинник некоего князя Льстислава. Опытный. И рассудил правильно. Хотели бы напасть до света, уже напали бы. Так что пусть недруги бдят и мерзнут, а свои поспят пока. Спят варяги, нынче брони не снимая, так что из состояния «сон» в состояние «бой» перейдут в считанные мгновения. Тем более что счет пойдет не на мгновения, а на минуты, ведь место для ночлега

выбрано подходящее, на лысой макушке холма. Сзади — обрыв, справа и слева, под снегом, каменные осыпи. Впереди уходит вниз заросший редким лесом склон. Даже ночью скрытно не подобраться.

Есть, конечно, и минусы. Видно отовсюду, и скрытно не уйти. Ну так варяги прятаться и не собирались. Они шли даже не в гости — почти с официальным визитом к здешнему господину, Торвардуряру. И пусть обосновался тот здесь совсем недавно, но встал крепко.

Не будь сейчас с варягами личного представителя Торварда-ярла, Сергей мог бы заподозрить, что в лесу именно его люди. Многочисленные встречи с нурманами давно отбили у коренного населения Биармии желание нападать на профессиональных воинов. Подстрелить из кустов, зарезать одиночку, заплутавшего в чаще. Причем зарезать желательнее во сне, это им по силам. А вот отважиться на полноценную схватку...

Так что вряд ли это лесовики. Но кто бы это ни был, подготовиться не мешает. Тем более что в последнем местном селении, где они пополнили запасы и переночевали под крышей, деревенские что-то такое говорили о большом-большом отряде «железных людей», замеченном местными охотниками. Конечно, в понятии местных даже отряд в полсотни бойцов может считаться «большим-большим», но даже если там, в лесу, сидит всего десятка три профессиональных воев — нурманов, чудинов или еще каких, — драка выйдет жаркой.

— наших всех разбудили? — спросил Сергей.

— Ага. Дерруд сказал: тебя последним.

Вот это неправильно. Сергей хоть и юнец телом, но — командир. Дерруд же иногда относится к нему... Да нет, отлично он к нему относится, Дерруд Сигг-

триггсон по прозвищу Убийца. Ничуть не хуже, чем сам Сергей в прошлой жизни относился к юному Святославу. Но лучше бы разбудил заранее.

Проснулись бойцы. Однако лежат, как лежали. Темные кучки, слегка припорошенные снежком. И — бдят. У Машега вон из-под одеяла рог лука выглядывает, и тетива уже накинута.

А Ратша сидит рядом с Сергеем на щите, всем своим видом выражая потерю бдительности. Скукожился, голову на грудь уронил, словно задремал.

Милош — с другой стороны. Спиной к костру, примерно в такой же позе. Картинка: «караул устал».

Но враг не атакует, ждет, хотя ситуация вроде бы и сейчас благоприятная. Почему?

Может, они никак не могут принять решение: либо попробовать грабануть, либо свалить по-тихому, пока самих не ограбили.

Вряд ли это просто разбойная ватажка. Четырнадцать дружинников Сергея — это по местным меркам целая армия.

Тогда кто? Те самые «железные люди», о которых толковали местные?

Сергей сбросил одеяло, не спеша встал на ноги, потянулся демонстративно, потом поднял щит, стряхнул с него снежок.

— Эй, там, внизу! Покажись, поговорим! — крикнул он по-нурмански.

И тут же повторил по-словенски. И по-чудински. Но уже корявенько. Язык учить недавно начал.

Ответили ему на языке четвертом, но знакомом и понятном. Стрелой. Которая поразила прогоревшее бревно, выбив из него фонтанчик тусклых искр. А вот Машег хоть и бил навскидку и полулежа, но не про-

махнулся. О чем свидетельствовал вопль неудачливого стрелка.

— Строй! — опережая Сергея, рывкнул Дерруд, материализовавшийся рядом.

Справа тут же занял место друг Ратша.

Десять секунд — и стена щитов собрана. Тринадцать воев Сергея и четырнадцатый — проводник, Кари, хирдман того самого Торварда-ярла, к которому держал путь Сергей. Этот в бою тоже лишним не будет. Молодой, но бывалый.

Встали полукругом, в две короткие шеренги. Пятнадцатый, Машег, внутри.

Посыпавшиеся вразнобой стрелы безвредно тыкались в щиты или падали в снег минут пять. Потом противник все-таки перешел к активным действиям.

Из-за деревьев показалось человек тридцать смертников на снегоступах. Смертников, потому что облачены они были не в шлемы и кольчуги, а в полушубки и малахаи. Остановились метрах в двадцати и начали швыряться копьями. С тем же нулевым результатом. Разве что Сергею и еще четверым пришлось «почистить» щит, смахнув клинком воткнувшиеся металлические снаряды.

Выглянувший сбоку Машег выпустил три стрелы и спрятался. Минус три. Тулупы — плохая защита от боевых стрел.

Командир этих лесовиков был либо совсем дурным, либо насквозь отмороженным. Погнал своих в рукопашную. В снегоступах. Вразнобой. На строй доспешных воинов.

В прошлой жизни Сергей пару раз сталкивался с подобной «храбростью». У опившихся шаманскими зельями смердов. Здесь, похоже, именно такой случай.

— Машег, не стрелять! — крикнул Сергей. — В строй!

Он боялся, что меткие стрелы отпугнут лесовиков. Ищи их потом по чашобам.

Толпа (иначе не назовешь) атакующих накинута на дружинников, даже не потрудившись избавиться от снегоступов. Совсем дикие. Сергей сбил краем щита сунувшуюся в лицо рогатину, кольнул саблей, потянул на себя, освобождая клинок.

— Ver! — рыкнул Дерруд, и обе шеренги дружно шагнули левой, отпихнув вопящую, размахивающую оружием толпу.

— Thik!

Нога попала на мягкое, дернувшееся под стопой. Кому-то не повезло.

Шумный выдох Дерруда, и брызги крови на щеке. Чей-то дикий вопль.

— Her!

Еще шажок.

Над щитом бородастая рожа с распыленным ртом, занесенный топор... Саблей наискось отбить падающий топор, выпавший из полуотрубленной руки, краем щита, снизу, в зубы, и саблей снизу — в бородача справа, замахнувшегося дубиной. Чуть запоздал, и дубина обрушилась-таки на щит Ратши, а саблю зажало... На пару секунд. Лесовик повалился, соскользнув с клинка. Синдский клинок — отменный, но не лучшее оружие для строя. В «багаже» у Сергея имеется более подходящее оружие, но до него еще добрать надо. Впрочем, копьём ширять еще удобнее.

— Ek! — взревел Дерруд. И сразу: — Kom! Kom!

И рванул с места, разрывая строй.

Недолго продлилась вражеская атака. Минута от силы — и побежали.

Нет, это не зелье. Те «бешеные» не убегали. Дрались, пока не сдохнут.

Сергей рванул по утопанному снегу, догнал, хлестнул поперек спины, прикрытой светлым пятнистым мехом. Лесовик взвыл, выгнулся и опрокинулся в снег, следующий оглянулся заполошенно, попытался защититься рукой... Ага. От сабли.

Сергей обогнул падающее тело, поднажал, догоняя... Нога неожиданно провалилась, однако падая, Сергей все же достал, чиркнул по поршню, рассекая и обувку, и пятку. Надо полагать, сухожилие просек, потому что лесовик тоже свалился. Но не сдался: попер к спасительному лесу ползком.

Сергей выпростал ногу из ямы (цела), догнал и наступил ползуну на спину, притормаживая.

Огляделся. Снег, запятнанный кровью, несколько десятков тел. Пара самых шустрых, прыжками убегающих по лесистому склону... Нет, уже один. Второго догнала стрела Машега.

Победа.

И очевидная. У толпы лесовиков против бронной гриди нет шансов, даже если их впятеро больше. Ну разве врасплох застанут. Но что же это за гридь, если ее можно застать врасплох?

Так какого лешего эта смердя ватага решилась на групповое самоубийство?

Сергей понял секунд за пять раньше, чем увидел.

— Назад! — закричал он. — Все назад! Не преследовать! Дерруд! Это ловушка!

Слева, со стороны осыпи, вылезали человеки совсем другого уровня. В «очкастых» шлемах, с мечами.

Десятка два примерно. К счастью, бойцы Сергея не особо увлеклись погоней. Потому что преследовать было уже некого.

Строй собрали быстро. Не зря тренировались. Новому противнику тоже «понравилось». Сразу притормозили. Застать врасплох не вышло.

Тоже построились правильно. Ощетинились копьями.

Хорошо стоят. Щит к щиту. Солнышко, привставшее над замерзшим озером, висит у противника за спиной. Не принципиально. Особо слепить не будет. А вот толком разглядеть врагов не получается. Только посчитать. Девятнадцать головорезов. Побить, в принципе, можно. Наверное. Но без потерь не обойдется.

Надо полагать, на той стороне рассуждали аналогично, потому что затевать драку не торопились.

— Мы их порвем, — спокойно произнес Дерруд, успевший отдышаться после недавнего боя и оценить расклад. — Командуй, хевдинг.

— Сначала поговорим. — И крикнул по-нурмански: — Кто такие? Назовитесь!

— Это ты назовись, чужак! — заорали со стороны противника. — Зачем пришел на нашу землю? Умереть?

«На нашу землю» — это уже кое-что. Значит, не залетная ватага. Дружина еще какого-нибудь скандинавского феодала, окучивающего аборигенов. Значит, имя белозерского князя должно для них кое-что значить. И имя Торварда. Вот кому наверняка придется не по вкусу, что появились претенденты на присвоенный им кусочек Биармии.

— Я — Варгислав! Хольд Стемида-конунга!

Сергей выдвинулся на шаг вперед. Дерруд тут же встал слева, прикрывая щитом, Гест — справа, решительно потеснив Ратшу. Тот, впрочем, не возражал. Сразу подвинулся.

— Я иду в гости к ярлу Торварду!

— Ты скверный гость, Вартислейв! — Из рядов противника выдвинулся воин в распахнутой шубе, из-под которой выглядывал недурной панцирь. — Гость, который убивает данников хозяина, хуже собаки.

Интересный поворот. Если эти парни — люди Торварда, то какого хрена они напустили на варягов смердов-смертников?

— Ты об этих, что ли? — Сергей показал на усеянный телами склон. — Выходит, ты — тот глупец, который отправил их на смерть? Поступок, достойный труса, но иного и не ждешь от того, кто даже имя свое назвать боится!

Может, и не стоило провоцировать численно превосходящего неприятеля, но на сей раз воевода был полностью солидарен с подростком. С точки зрения стратегии погнать на них толпу смердов — не такой уж плохой ход. Особенно если бы варяги не управились слишком быстро и увлеклись погоней. Тем не менее храбростью здесь и не пахло. Такой «стратег» без уверенности в победе в драку лезть не станет.

Нурман открыл рот, собираясь возразить, но вмешался Дерруд.

— Да что ты с ним разговариваешь, как с человеком чести, хольд! — рявкнул дан. — Ты, трус, прячущийся за спинами бондов, прими вызов воина или уползай обратно в барсучье дерьмо, из которого выполз!

— Меня зовут Стурла, ты, крикун! — завопил нурман. — Клянусь молотом Тора...

— Эй, погодите! — Кари-проводник выбежал из строя и встал между Убийцей и его будущей жертвой. — Стурла! А ну убери меч! Живо!

— Не тебе, младший, мне указывать! — взъярился нурман. — Меня назвали трусом! Такое только кровью смывается!

— Вот теперь я вижу перед собой мужчину, а не драную шавку! — Дерруд захохотал. — Уйди, Кари! Не мешай веселью!

Но Сергей заметил: не все бойцы за спиной Стурлы разделяют позицию командира. Многие опустили копья. Они успели поглядеть на Сергеев десяток в деле и понимали, что в случае драки им придется нелегко.

— Уйди, Кари! Не мешай нам свершить справедливость!

Ух, как пафосно. Справедливость. Хотя главное слово тут «нам». Агрессивный хольд не собирается единоборствовать с Деррудом. Кишка тонка.

— Да кто ты такой, чтобы говорить о справедливости! — закричал Кари. — Я говорю голосом Торварда-ярла! Вы все! Опустите оружие! Эти люди — гости ярла!

Твою ж дикую бабушку!

Сергей выругался шепотом. Вот так неудачно начать знакомство с будущим тестем и его людьми. Не исключено, что драка была бы лучшим выходом. Сказал же Убийца: «Мы их порвем». Мертвые же помалкивают.

Но тогда пришлось бы убить их всех. И Кари, который точно не станет молчать. А вот это уже подло.

— Я услышал тебя, Кари, — спокойно произнес Сергей. — Мы не станем их убивать.

Стурла презрительно фыркнул. Но меч убрал.

— Пусть ярл решает, — буркнул он.

Ну еще бы!

Строй за его спиной распался.

А Сергей так и не задал вертевшийся на языке вопрос, ответ на который дал бы понять: зря или нет они больше недели тащились по промерзшему лесу? Простой вопрос: выдал ли Торвард-ярл замуж старшую дочь?

ГЛАВА 2,

*в которой Сергею поручают
невыполнимую миссию*

— Избор просил за тебя, — князь белозерский глядел на Сергея так, будто тот соблазнил его собственную дочь. — И сын мой тоже хочет видеть тебя рядом.

И за чем же тогда дело стало?

Нет, этот вопрос Сергей не озвучил. Зачем подливать масла в огонь, где и без того полно горячки?

— Мои родичи просят... — Стемид скривился. — И я их слушаю. Поэтому ты еще здесь. И у тебя есть возможность... — Стемид скривился еще больше, — ...вернуть мое расположение.

И замолчал.

Ждал, надо полагать, что Сергей начнет хлопать крыльями и квохтать, выпрашивая подачку.

Напрасно. Подросток, которым сейчас был Сергей, наверняка так бы и поступил. Но воевода знал цену словам. И ничуть не сомневался, что Стемид уж точно не желает его облагодетельствовать. Стопудово князю что-то нужно. И не факт, что Сергею это нужно больше, чем белозерскому князю.

Варяжский князь похмыкал, пожамкал усы, каждый поочередно, потер о рукав перстень с печаткой-

цилиндром, поглядел, не удовлетворился, пополировал еще...

И, так и не дождавшись вопроса, изрек требование сам.

— Ты, Вартислав, лишил моего сына сговоренной невесты. И должен исправить содеянное.

Опять двадцать пять. Вроде бы уже всем ясно: Колхульде женой Ререха не быть. Неужели Стемид решил...

Нет, не решил. Речь шла не о Колхульде.

— Ты отправишься к Торварду и сговоришь за моего сына другую его дочь.

— А она у него есть? — вырвалось у Сергея.

— Есть.

— Ладно, — выбора у Сергея не было. — Я согласен. Поторопился.

Стемид ухмыльнулся. Да так, что у Сергея сразу возникло ощущение: нет, не ладно. Совсем не ладно.

Однако, если князь дает ему шанс остаться в Белозере, этот шанс надо использовать.

Он справится. Он таких хитромудрых владык убалтывал! С каким-то там мелким свейским ярлом уж как-нибудь управится.

Их с Колхульдой помолвку пришлось отложить на неопределенный срок. Но общаться с невестой Сергею больше не мешали.

Ну, как не мешали... Пара Стемидовых отроков все время околачивались рядом. И категорически отказывались покидать горницу, пока в ней находился подозрительный тип Вартислав.

Впрочем, вели себя отроки вежливо. Дескать, у них приказ. И даже когда нурманская красотка обзывала их разнообразными уничижительными словами,

парни только смущенно ухмылялись. И не уходили. Так что даже до нежных поцелуев у Сергея с Колхульдой дело не доходило.

А поговорить — никаких проблем.

— Отец мой любвеобилен, — порадовала Сергея Колхульда, которую Сергей уже мысленно перекрестил в Ольку. Или в Оленьку. По настроению. — Дочерей у него много. Но нас, настоящих, только две. Я да Кольгрима.

Настоящие — это рожденные в законном браке. Прочих же в счет можно было не принимать. И в род тоже.

Кольгрима, значит. Тоже имя говорящее. Колхульда и Кольгрима. Черная тайна и Черная маска¹. Своеобразный выбор.

— А это потому, — пояснила будущая невеста, — что бабка отца нашего колдуньей была. Вот нам такие имена и дали. Вдруг и у нас дар откроется.

Логично.

Вскрылся и подвох. Старшей из двух законных дочерей оказалась Кольгрима. В мире, где дочерей принято выдавать замуж по старшинству, это означало, что ко времени бракосочетания младшей старшая уже должна быть замужем. Или сговорена. Понятно, нет правил без исключений, но так — по обычаю. А обычай — это иной раз даже больше, чем закон. Так что если Колхульду сватали Ререху, то старшая уже пристроена. Или обладает каким-то серьезным дефектом.

Нет, дефектов у старшей сестры Торварда не было. Если не считать таковым то, что, да, ее уже сговори-

¹ «Хульд» может переводиться не только как тайна. Покров, убежище, но смысл тот же.

ли за какого-то свеаленского ярла. Колхульда толком охарактеризовать его не смогла. Знала только, что жениха зовут Скельдум, годами он уже не молод, но весьма авторитетен. А еще они с папой Торвардом когда-то вместе ходили в походы.

Обычное дело — выдать дочь за боевого товарища. Разница в возрасте не принципиальна. Деньги и статус куда важнее.

В общем, Сергею оставалось лишь утешать себя, что сговор — это еще не брак. Мало ли что может случиться с потенциальным мужем?

Той же позиции придерживалась и Колхульда. Вон с ней тоже вроде все было решено, а как обернулось! Так что пусть Сергей ради своего князя особо не упирается. Главное — понравиться папе Торварду. И на этот счет у нее, Колхульды, есть неплохие идеи.

А с Кольгримой... Расторгнут ее помолвку с папным корешем — хорошо. Ререх всяко не хуже. А не сумеет Сергей выполнить поручение своего конунга...

Ну, тогда пусть идет Стемид-конунг со своими требованиями прямо в сети Ран-великанши, потому что она, Колхульда, все равно выйдет замуж только за Вартислава. А ежели захотят ее выдать силком, то пусть имеют в виду, что она, Колхульда, знатного рода, так что и с ножом управляться умеет, и вполне способна охолостить слишком горячего жеребчика.

Последнее было сказано достаточно громко. С прицелом на то, чтоб услышали Стемидовы дружинники. А уж они наверняка передадут князю.

Сергей ничуть не сомневался, что его девушка вполне способна реализовать обещание.

И вывод сделал совершенно правильный. Надо торопиться.

Нет, Сергей понимал: вид у него пока что не очень представительный. Да, за последний год он вытянулся и продолжал расти. До своих прежних габаритов он, скорее всего, не дорастет, но коротышкой точно не будет. На генетику нового тела Сергей повлиять не мог, но выжать из него максимум с помощью нагрузок и правильного питания он очень старался. Да и не в росте дело. Старший сын воеводы Сергея Артем был на полголовы ниже отца, но был сильнейшим из известных Сергею бойцом. Разве что великий князь Святослав мог с ним потягаться. Но такие, как Святослав, вообще уникамы.

Тем не менее, прибавить в росте еще с десятков сантиметров Сергею не помешало бы. Конечно, были способы компенсировать недостаток габаритов. Например, прибыть к будущему тестю на корабле. Своем. Во главе хирда.

Но, во-первых, личного корабля у Сергея пока что не было, а во-вторых, запаса времени не имелось и вовсе. Потому придется пешочком, вернее, на лыжах. И всего лишь во главе собственного десятка. Впрочем, это тоже кое-что, если в десятке не только такие, как Ратша и Клеп, но и такие, как Гест с Милошем. Не говоря уже о Дерруде Убийце. А еще статус жениха может серьезно поднять правильный подарок. Такой, чтобы Торвард решительно впечатлился.

И по этому поводу Сергею надо непременно пошептаться с Колхульдой. Вдруг у папы Торварда есть какое-нибудь заветное имущественное желание, которое Сергею под силу осуществить?

Стеמיד от своих княжьих щедрот выделил Сергею спутника-проводника. Того самого Кари, который не позволил Убийце сделать из одного живого Стурлы

две мертвые полутушки. Ну как выделил... Тот все равно намеревался возвращаться к своему ярлу, а в большой компании пересекать дикие леса куда веселее, чем в одиночку.

Кари. Нельзя сказать, что молодой своей Сергею не понравился, но симпатии не внушал. Держался не то чтобы нагло, но...

В общем, без должного уважения. Словно и не собирался Сергей стать зятем ярла, которому служил Кари.

Впрочем, «нравится — не нравится» — это вторично. Можно ли ему доверять? Колхульда охарактеризовала его примерно как «ничего особенного». Дальний родич. Но оценка Ольки — оценка молоденькой девушки. Половина в ней — насколько восхищенно взирает на нее оцениваемый.

Сергей попросил Траина прощупать проводника. Сын ярла с задачей не справился. Кари держался дружелюбно, но на откровенный разговор не шел.

Однако свою непосредственную задачу Кари выполнял добросовестно. Вел толково, места для стоянок подсказывал верные и безопасные. Включая и последнюю. И в общем строю Кари бился вроде неплохо. Да и какой это бой, если серьезно? Так, зачистка.

В общем, причин не доверять Кари у Сергея не было. Тем не менее, благодарности за предотвращение большой драки Сергей тоже не испытывал.

Потому что за неполный час чертов Стурла достал его настолько, что лишь разница в размерах удержала Сергея от того, чтобы врезать хольду по наглой роже.

Вот и теперь самодовольный свейский хольд расселся на свежерубленном бревнышке напротив Сергея, хахая вяленую рыбку и рассуждая о том, сколько Сергей должен Торварду-ярлу за умерщвление такой

оравы подданных. И чем больше он говорил, тем больше хотелось Сергею сунуть в жрущую и болтающую пасть Стурлы что-нибудь несъедобное. Пару пядей острой стали, например.

— Ты, Вартислав, молодой и потому сначала убиваешь, а потом думаешь, — поучал «юношу» хольд. — Наделаешь глупостей, а потом старшим приходится платить за твою дурь!

Вот ей-богу, Сергей прибил бы гада прямо сейчас, но нельзя. Всех его бойцов прикопать вряд ли получится. Да и если бы получилось, пришлось бы Кари тоже порешить. А этого вроде не за что.

Сергей посмотрел на опушку, где варяги и свеи занимались подготовкой к похоронам. Собственно, он мог бы оставить покойников зверушкам. Но решил, что правильное погребение будет зачтено в будущих разборках с ярлом.

Что характерно: возились с будущим погребальным костром далеко не все бойцы Стурлы. Пятеро свеев сидели неподалеку и кидали в сторону Сергея недружелюбные взгляды.

Нельзя сказать, что Сергею нравилась эта ситуация. Случись что, защититься будет непросто. Хотя прикрытие имелось и у него. Угнездившийся на месте их прежней стоянки Машег. До него метров пятьдесят. Так что реши Стурла напасть, ему кирдык¹. И Перун не даст соврать: Сергей бы даже огорчился. Потому что куда большее удовольствие прикончить Стурлу собственноручно.

— ...А платить за твою мальчишечью дурь кто будет?

¹ Отмечу: это не сленг. К и р д ы к — слово тюркского происхождения. А хазары как раз тюрки и есть.

Терпение Сергея иссякло.

— Знаешь, Стурла, я видел многих воинов, у которых ума чуть больше, чем у улитки. Но напасть на будущего зятя собственного ярла — слишком большая глупость даже для такой наглой и тупой скотины, как ты.

— Чего? — Стурла даже жевать перестал.

— Ты выглядишь тупее барана, Стурла, — тем же рассудительным тоном продолжал Сергей. — Однако ярл поставил тебя хольдом. Значит, настолько тупым ты быть не можешь. И потому у меня к тебе всего один вопрос: зачем ты, Стурла, прикидываешься недоумком?

— Зачем что? — И спохватился: — Да ты сам спятил! Что ты несешь?

— Вот! — удовлетворенно произнес Сергей. — Ты нервничаешь, Стурла. Значит, я прав. А теперь ответь: зачем ты натравил на нас этих бедолаг? — Сергей показал на покойников, которых сейчас укладывали штабелем на погребальный костер. — Чем они тебе так досадили, что ты решил их убить? Скажи мне, хольд, почему ты захотел от них избавиться?

Ишь ты. Завис. То ли не ожидал, то ли Сергей неожиданно попал в точку.

Вспомнилась история, рассказанная Гестом. От том, как Геллир-ярл перебил подданных Стемида, а вину за это повесил на подвернувшихся разбойников. Может, и здесь что-то подобное?

— Ты врешь! — наконец выдохнул Стурла. — Что ты врешь, варяг! Я тебя на куски...

И тут его взгляд упал на Дерруда, которого вопль Стурлы отвлек от руководства подготовкой к кремации. Глянул и осекся.

Ох, не туда он смотрел. Дерруду потребуется минуты две, чтобы добежать до костра. Машегова стрела точно успеет быстрее.

— Ты говори, говори... — поощрил его Сергей. — Ты — меня?

Свей только зубами скрипнул. Не рискнул.

Сергей вытянул ноги, поглядел на носки собственных сапог. Хорошие сапоги, кстати. Мороз держат не хуже валенок. Хотя какой это мороз... Градусов семь-восемь, наверное. И ветра нет.

— Ладно. Тогда второй вопрос: что ты мне дашь, Стурла, чтобы я не рассказал ярлу о том, как ты погубил его бондов? Может, ты взял с них лишнее и утаил от своего господина?

Нет, этот удар — мимо. Не зацепил.

— Я не стану с тобой говорить! — заявил Стурла после минутного напряжения мозговой массы. — Пусть с тобой говорит ярл!

Ярл так ярл. Не вопрос. Маловероятно, что Стурла что-то скрысил. Скорее всего, первая версия Сергея была правильной: хольд просто пожертвовал аборигенами, чтобы получить тактическое преимущество.

Однако брать на себя вину за фактически самозащиту Сергей не собирался. И Стурла должен уяснить этот факт.

— Ты мне должен, — сообщил Сергей, поднимаясь. — Думаю, трех марок довольно, чтобы покрыть твой долг.

— Чего-о?

— Того! Мы — воины. Мы сражались и победили. Но не получили добычи. Не знаю, как ты, хольд, а я попусту размахивать железом не привык. Я мог бы, конечно, приказать своим людям ободрать этих невезучих, — кивок в сторону костра, — но зазорно обди-

рать смердов тем, кто носит серебро и золото. Так что этот долг на тебе, Стурла. Три марки серебром.

— Да что ты несешь! — Стурла вскочил, нависая над Сергеем и цапая рукоять меча. — Ты спятил?

— Я сказал, — надменно уронил Сергей, отворачиваясь. — Проваливай.

Стурлы он не боялся. Рубить его тот не рискнет.

Взгляд его остановился на телах, уже уложенных на обрубки древесных стволов.

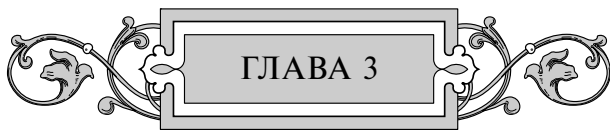
«За что они погибли? — подумал Сергей. — Зачем?»

У свея руки чесались проучить наглого мальчишку. Но еще больше ему хотелось выяснить: что тот знает? А главное — откуда? Только он, Стурла, и пятеро его родичей посвящены в тайну.

Эх! Один взмах меча — и нахальный мальчишка останется без головы. Но потом Стурле придется иметь дело с его даном. И рассчитывать он может только на пятерых. Остальные не посмеют лезть. Племянник Торварда не позволит.

Стурла ругнулся сквозь зубы, швырнул в снег недоеденную рыбу, развернулся и пошел к своим.

Ничего. Придет и его время мстить. Очень скоро придет!

ГЛАВА 3

*Месяцем ранее. Избушка ведуна.
Смотреть и видеть*

— Ничего ты не умеешь, — констатировал Избор, поглядев на размахивающего двумя палками Сергея. — Нет в тебе понимания обоерукого боя.

Обидно, однако. Сергей полагал, что у него неплохо получается. Он и в прошлой жизни с парой клинков управлялся, и в этой очень старался развить прежние навыки. И склонен был думать, что развил.

— Что не так? — Сергей остановился, заодно переводя дух.

Морозец приятно остужал разгоряченное лицо.

— У тебя две руки, — сообщил ведун. — А бьешься ими ты будто одной.

Вот уж неправда. Никакой синхронности не было. Каждой рукой Сергей работал независимо.

Но спорить с Избором — себе дороже. Тем более если ты пришел учиться.

— А как надо?

— А вот гляди! — Избор принялся выписывать в воздухе невидимые узоры руками. — Гляди, пока не увидишь!

Сергей видел: ладони ведуна движутся асинхронно. Каждая — в собственном ритме и по собственным траекториям. Непросто, но так он тоже умел. И делал.

— Не так смотришь! Суть гляди! — потребовал ведун.

Ага. И как это, интересно, сделать?

Ведун выругался, обозвав Сергея продуктом неудачного разрешения от беременности старой и большой барсучихи.

— Давай лепи снежки и в меня кидай! — скомандовал он. — Парами кидай!

Вот это уже понятно.

Сергей бросал. Ведун отбивал палками. Экономно. Неторопливо. Собственно, никаких особых ухищрений для этой игры не требовалось. Снежки — не стрелы и даже не копья. Но у ведуна явно была цель. Какая?

Сергей смотрел. Обычным взглядом. И тем, которому его когда-то учил другой ведун. Ререх старый.

И в какой-то момент Сергей понял: Избор за снежками вообще не следит. Отбивает чисто механически.

И что с того? Сергей и сам так умел. И сейчас так делает. Зачерпнул снега с метровой высоты сугроба, слепил, метнул. В чем же урок?

Солнце светило. Снег блестел. Снежки летели...

Сергей подустал. Ведуну хорошо. Стой да отмахивайся. Бросать, да еще резко — трудовозатратнее.

Сергей глядел на ведуна. И не упустил момента, когда тот, отбив очередной снежок, метнул палку. В Сергея. Тот уклонился без труда... И вторая палка чувствительно треснула по колену.

Но как?

Ведун захихикал. Очень противно. Сергей даже не сомневался: старый специально отработал именно такой смех: людей унижать.

— Эх ты! Душ две, а толку и на одну не наберется. Палки мне брось. Снова покажу.

Сергей бросил палки. Потом — снежки, отбитые с обычной легкостью, и...

Нет, вторая палка треснула его в то же самое колено. Но кое-что он увидел. Что-то вроде промелька на самом краю зрительной полусферы.

— Еще раз!

Он опять получил по колену, но теперь он увидел более-менее четко. И даже, кажется, понял принцип. Перед тем как сделать бросок, ведун словно бы растопырился... И его левая рука спряталась. Не в том смысле, что он повернулся так, что ее было не видно. Сергей видел целиком и Избора, и его руку, но как будто не видел. словно что-то такое дорисовывало фигуру ведуна так, что рука вроде и была, да только это лишь казалось. И на брошенную этой «невидимой» рукой летящую палку... Смотреть на нее почему-то не хотелось.

— Еще!

Блин! Синяк будет о-го-го. Зато Сергей вроде понял, в чем секрет. Похоже, дело в узоре, который рисовал в воздухе Избор. Узор этот каким-то хитрым образом притягивал внимание... И все, что в него не укладывалось, видеть... ну, не хотелось. Похожее ощущение, когда кто-то напевает знакомую песню и вдруг прерывается, и ты сам выдаешь ожидаемый звук. И не слышишь певца, который повел мелодию совсем в другую сторону.

— Еще!

Понять — не значит устоять. Противиться рефлексам тоже надо суметь.

Сумел Сергей раза этак с двадцатого.

И заслужил одобрительный хрюк наставника.

— Отдыхай, парень, — смилостивился Избор, поманил мохнатого кобеля, ошивавшегося неподалеку, и с довольным уханьем опрокинул зверюгу на спину.

Кобель не возражал. Главенство ведуна зверь признавал безоговорочно. Особенно если светило по-жрать. Мамкой кобеля была волчица, выращенная Избором лично и рулившая державшейся поблизости волчьей же стаей, а папкой — волкодав, временно позаимствованный Избором у гостившего в Белозере ярла. Судя по внешности кобеля, волкодав был ирландский. У Сергея в прошлой жизни такие имелись, и Сергей ценил их высоко: в первую очередь за ум, а уж потом за пять пудов боевого веса и клычищи как у леопарда.

Сергей глядел, как ведун унижает волкопса, и ему почему-то вспомнились горностаи Ререха старого. Подумалось: есть все-таки разница между тем ведущим и этим. Тот был человечнее.

— Что глядишь яр?

Это ведун перехватил взгляд Сергея.

— Зачем пса мучишь? — вырвалось у Сергея.

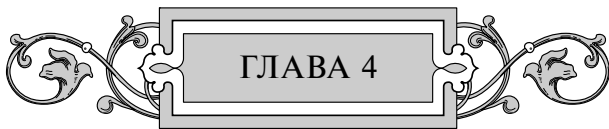
— Затем, — Избор стиснул собачье ухо так, что волкодав взвизгнул. — Чтоб помнил.

— А по-другому — никак?

— Можно и по-другому, — Избор отпустил волкодава. Тот вскочил, встряхнулся, лизнул ведуна в щеку и потрусил к крыльцу. — Можно, но так — верней.

— Он же и так тебя любит!

— Не любит, — качнул головой ведун. — Служит. Как тебе твой убийца-дан.

ГЛАВА 4

Цена свейского ярла

Гард Торварда-ярла стоял у моря. Круглая крепость с деревянными стенами, посадки, длинные сугробы у самого берега, в которых угадывались корабельные сараи. Их было два. Если в каждом корабль, то хирд у ярла — не самый слабый.

При виде родного гарда люди Стурлы, которые и прежде бежали впереди (Сергей не возражал, пусть дорогу торят), рванули во всю мочь.

Надо полагать, хотели успеть изложить ярлу свою версию событий.

Кари к ним не присоединился и не ускорился. Как шел ровно, так и продолжал.

Миновав посадки, подошли к воротам.

Солидные, однако. Толстенные, на массивных железных петлях. Под стать стенам, тоже весьма внушительным. И вся эта прелесть выстроена относительно недавно. Вывод? Кто-то очень не любит здешнего ярла. И вряд ли это местные лесовики. Тем хватило бы и однорядного частокола. Хотя можно допустить, что это солидное укрепление — именно для аборигенов. Причем не против, а именно для. Чтобы смотрели и проникались трепетом. При здешнем обилии

леса рукастым нурманам ничего не стоит возвести подобную крепость месяца за два.

Колхульда говорила: папа обосновался здесь два года назад. Времени хватало.

Интереснее то, что Торвард-ярл был ярлом и до переезда в дикие леса Биармии. Сидел на родовой земле в родном Геталанде под рукой уважаемого Бьерна Эриксона. И, со слов Колхульды, те владения по-прежнему оставались за Торвардом. Вопрос: почему храбрый ярл сменил место жительства? Здесь, конечно, тоже места неплохие. Есть чем поживиться. Но жить здесь постоянно, когда у тебя в наличии полноценное ярлство в обустроенной и серьезно приподнявшейся под рукой Бьерна-конунга Швеции?

Есть в этом какая-то... хм... хульда.

Стража при воротах приветствовала Кари с явным уважением. И спутников его пропустили без вопросов. На варягов стражники, закутанные в меха дренги с длинными копьями, поглядели с любопытством, но и только.

Городок-гард был невелик, но населен густо. Сергей прикинул: никак не меньше полутысячи человек. А ведь есть еще и посадки.

Встречные что-то кричали Кари. Тот не отвечал. Скользил на лыжах по утопанному снегу, не оглядываясь и не озираясь.

Резиденция ярла — большой длинный дом с сугробом на крыше. Над сугробом вился дымок.

У входа лыжи пришлось снять. Снег здесь был присыпан золой.

Кари откинул полог. Сергей вошел вторым. Внутри — темно и вонюче. Зато тепло. Сергей, сделав несколько шагов, остановился. Подождал, пока глаза привыкнут к сумраку. Заодно шубу расстегнул.

Стурла, окруженный толпой нурманов, втолковывает что-то сидящему на возвышении воину в красном плаще. Судя по всему, это и есть папа Торвард.

— Представь меня, — велел Сергей Кари и зашагал вперед, будто и не сомневался, что ему уступят дорогу.

Дорогу и уступили. Правда, не столько Сергею, сколько шагавшему вплотную к нему Дерруду. А вслед за ними и остальным.

— Вот он! — воскликнул Стурла, тыча в Сергея пальцем. — Это он убил...

Перехватив палец, чей грязный ноготь был в пяди от глаза, Сергей наработанным приемом вывернул его из сустава.

Стурла взвыл.

— Не трогать меня, лживая собачья блевотина! — четко проговорил он по-нурмански в мгновенно наступившей тишине. — Кари! Представь меня отцу моей невесты!

— Вартислав по прозвищу Дерзкий, — проговорил проводник, несколько растерявшийся после выходки Сергея. — Хускарл Стемида-конунга.

— Хольд Стемида-конунга, — надменно поправил Сергей.

— Смотри, что он творит, ярл! — взвыл Стурла, воздев кверху торчащий вбок палец. — Он оскорбил и искалечил меня, твоего хольда, у тебя на глазах!

— Жаль, что я не позволил тебя убить, — Сергей изобразил огорчение. — Такой хольд, как ты, — позор для вождя. Торвард-ярл, мне говорили о тебе как о славном ярле с могучим хирдом. Я смотрю вокруг... — он демонстративно огляделся, — и вижу много воинов, которым мало кто не уступит в пляске мечей. Как вышло, что эта лживая и трусливая шавка — твой хольд?

Буря и натиск. Только так и надо, чтобы тебя приняли всерьез, если тебе — четырнадцать, а вокруг — взрослые дяди.

Из всего сказанного ярл сразу выцепил главное.

— Ты назвал себя женихом моей дочери, — негромким, но очень грозным голосом произнес он. — Что с ней?

— Она в здравии, — Сергей позволил себе улыбнуться. — Мой свадебный дар пришелся ей по нраву, но ты — ее отец, и я здесь, чтобы ты одобрил наш брак.

— Я уже одобрил ее брак с Ререхом Стемидсоном, — сообщил ярл. — Тебя же я не знаю.

— Вот поэтому я здесь! — влез Сергей прежде, чем Торвард сказал что-то еще, что-то... необратимое. — Позволь же вручить дар и тебе, славный ярл! Я заплачу за него железом, а не золотом! Но он из тех, что приносят золото тому, кто им владеет!

И скинул с плеча сверток.

«У каждого есть цена». Сергей не помнил, кто это сказал. Но знал: все так. И не обязательно — в золоте. Чья-то цена — власть, чья-то — жизнь родни. Но самая высокая — мечта. Сейчас и решится, правильно ли он угадал цену Торварда-ярла.

Да, Сергей подготовился. А еще он соврал. Этот чудесный франкский меч он как раз купил. Целую гривну отдал. Огромные деньги. Даже если в серебре. Но Сергей платил золотом. Без малого полкило золота. Не у всякого нурманского конунга наберется столько желтого металла. Простен, которому меч Вандиля Крепкой Сети достался при разделе добычи, в одночасье стал самым богатым кормчим Севера. Да,

пришлось Сергею раскошелиться. Бить будущего тестя надо было наверняка.

И Сергей знал, куда бить. И не промахнулся. Меч поразил ярла точно в сердечную мышцу. Навылет.

Кожа, в которую был завернут франкский шедевр, упала на присыпанный соломой земляной пол. Узкая стальная полоса беззвучно выскользнула из ножен и заиграла темным пламенем.

— Прими его, ярл! Он тебя достоин!

Торвард встал.

И сошел к Сергею.

Нет, не так. Просто спустился. С трудом сохраняя важность и достоинство...

Ровно до тех пор, пока меч не оказался у него в руках. Легкий, упругий, смертоносный. Ярлдохнул на узорчатую поверхность. Сергею показалось: он готов расцеловать и меч и Сергея. Все стало не важным. Обиды Стурлы. Убитые смерды. Даже собственная дочь. Хотя именно дочь подсказала, что именно подарить отцу...

* * *

— Я люблю тебя, и всегда буду любить!

Жаркий оглушительный шепот. Волосы, пахнущие травами. Руки, с удивительной силой сжавшие предплечья Сергея.

Говорят, в любви один всегда любит больше. Вражье. Если любят, то любят. Все.

Любит ли он эту девочку? Хочет ли ее любить? Да. Очень хочет. Это «хочу» переполняет и рвется наружу. Но сколько здесь от бурлящей в крови юности, а

сколько — настоящего? И у Сергея, и у синеглазки Колхульды.

Сергей смог бы ответить. Он жаждал эту девушку. Жаждал ею обладать. Слышать «люблю всегда». Но была ли она *той самой*? Или он, как Машег, желает обладать каждой симпатичной девчонкой, но не хочет в этом признаться?

— Если ты умрешь, я тоже умру...

— Глупая! Ты не знаешь. Смерти нет...

— Ты бог... — вжимается в него так крепко, что даже сквозь ткань чувствуется жар. Не тепло, а именно жар. Как будто она — в лихорадке. Лихорадке любви. — Ты мой бог...

На них смотрят, но Сергею наплевать. Пусть видят. Пусть знают. Это его невеста. Его! Самая красивая...

«В пятнадцать они все прекрасны».

Это воевода. Пытается вернуть Сергею здравость мышления.

Не сегодня. Не сейчас.

Сергей не без труда отделяет себя от девушки, цедит сквозь зубы:

— Вышли оба. Мне надо поговорить с невестой.

Приставленные Стемидом отроки переглядываются. Мол, знаем мы, мальчик, о чем вы хотите поговорить. И в каких позах.

— Вон! — рявкает Сергей. Жар любви мгновенно превращается в ярость... И снова в любовь, когда оба дружинника проворно выскакивают из комнаты, инстинктивно почуяв в нем то безумие, что превращает воина в берсерка.

— Быстрой... — шепчет Олька, выпутываясь из позимнему многочисленных одежек. — Ну давай же!

Сергей только и успевает пояс расстегнуть и развязать шнурки на штанах и исподних, как она налетает вихрем, опрокидывая на спину.

— Já! Já. Kom!

Внутри у нее — огонь. Кипяток, хлещущий наружу.

— Já! Elsk-a-a mig! Mig! Elsk! A-a-a...

Все кончается в мгновения.

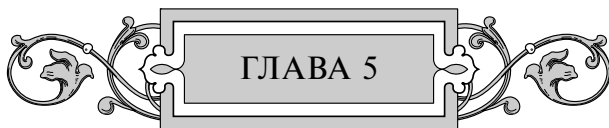
Хотя почему кончается? Только начинается.

Сергей опрокидывает ее на себя, сжимает руками так же страстно, как она сжимает его внутри. Быстрее, быстрее! Да! Люби меня! Люби!..

А потом они говорили. О прошлом, о будущем. О мечтах юной девушки, о том, что будет, когда они поженятся (а как же иначе?), и о мечте ее отца, настоящей мечте воина: о мече, гибком, как ивовая ветвь, и острым, как клык молодого волка, мече, который можно добыть в бою с германцами или франками, если очень, очень повезет, и невозможно купить, потому что король франков обязательно казнит того, кто рискнет продавать дивные клинки людям севера...

«Боги и впрямь меня любят, — думал Сергей, вкладывая франкский булатный клинок в пахнущие маслом, проложенные изнутри войлоком ножны. — И Прастен меня любит, ведь иначе ни за что не продал бы мне такое сокровище».

Хотя кто знает? Может, Прастен попросту не знает настоящей цены меча и большая куча золота, вся доля Сергея от меховой аферы, показалась кормчему достаточной платой за полоску стали?

ГЛАВА 5

Цена свейского ярла (продолжение)

— Дар, достойный конунга, — прошептал Торвард. — Боги, благодарю вас.

По мнению Сергея, боги были ни при чем. Но он не торопился. Сейчас придет и его очередь.

Быстрый испытующий взгляд, который Сергей встретил правильно: простодушно и радостно. Мол, хотел сделать славный подарок — и сделал.

— Будь моим гостем, Вартислав! — Надо же, имя произнес правильно. И запомнил с одного раза. — Садись за мой стол и раздели со мной трапезу.

— И мои люди, славный ярл?

— Да. Вы все — мои гости!

— Ярл, но как же... — начал Стурла.

Но ярл зыркнул грозно, и хольд заткнулся. Вправил вывернутый Сергеем палец, глянул свирепо... И все.

Ярл всегда прав. А если кто-то из подчиненных думает, что ярл не прав, ему лучше помалкивать. Иначе можно и без «думалки» остаться. Ну или найти себе другого ярла.

Впрочем, Сергей не обольщался. Эйфория от обретения мечты пройдет, и ярл снова станет мыслить... политически.

Слово, однако, сказано. Они гости, так что их теперь точно не станут убивать. По крайней мере, пока они на Торвардовой территории.

Ладно. Разберемся. Но сначала пообедаем.

Мебель длинного дома — это конструктор. К примеру, стол, на котором потчуют гостей, собирается из тех же досок, на которых укладываются почивать. Так что перевести пространство длинного дома из состояния «форум» в состояние «трапезная» — десять минут.

И еще с полчаса — выставить угощение. Впрочем, всухую ждать горячего не приходится. Пиво, рыбка, вяленое мясо и прочие закуски появились сразу.

Ярл ответил за свои слова со всей серьезностью: усадил Сергея не просто за стол, а рядом с собой. Слева. Справа — правая рука Торварда Грум Три Скалы. Немолодой уже дядька великанских габаритов с заправленной за ворот бородой и носом, сплюсненным явно не от природы. Вроде бы дальний родич Торварда-ярла. Этот все косился в сторону Сергея. Именно в сторону, потому что интересовал его не Сергей, а возвышавшийся слева от него Дерруд.

Грозный дан, впрочем, вел себя вполне миролюбиво. Добродушно беседовал с еще одним Торвардовым элитным хирдманом по имени Тодд Любимчик. Этот, представившись, первым делом уточнил, что Любимчик он не кого-нибудь, а самого морского бога Ньерда, и назван так, потому что за пятнадцать лет кормчества не потерял ни одного корабля. Деяние, безусловно, достойное уважения, учитывая особенности скандинавского мореплавания.

Тему женитьбы Сергей затрагивать не стал. Пока довольно того, что ярл признал их гостями. Но и на другие темы поговорить с Торвардом было небезынтересно. В первую очередь потому, что Сергей почти ничего не знал о нынешней Швеции. А Торвард — знал. И не понаслышке.

Правил нынче на земле сеев славный Бьерн Эриксон, пятый конунг этого имени. Правил достойно, сконцентрировав внимание на собственной земле. В отличие от папаши, воспетого в сагах Эрика Ведерхатта¹, то бишь — Увенчанного Ветром, которым тот якобы повелевал, создавая тем самым большие проблемы его многочисленным недругам. Происходил же оный Эрик от легендарного Бьёрна, сына еще более легендарного Рагнара Лотброка, который вообще чуть ли не от Одина происходил. Правда, не напрямую, а через десяток поколений, но божественная кровь сказывалась. Славу и Рагнар, и Железнобокий Бьерн, числившийся в династическом списке свейских конунгов Бьерном Первым, стяжали изрядную.

Нынешний Бьерн поводья власти держал крепко. И, как оказалось, врагом Торварда не был. Причина, по которой ярл покинул родную землю, оказалась вовсе не таинственной, совершенно банальной. Деньги. Торварда несколько лет подряд преследовали неудачи, и как результат — долги. Землю в Геталанде пришлось отдать в аренду-управление другому ярлу. Надо полагать, родичу или вроде того. Обобрать фюльк² в отсут-

¹То, что папа Эрик и есть тот самый Ведерхатт — всего лишь гипотеза. Но сторонников у нее хватает.

²Фюльк — владение, крупная земельная собственность, позднее — провинция.

ствии законного владельца — легче легкого. Но Торвард отдал. Потом снарядил флотилию и отправился сюда, на другую сторону моря. Кто-то там, в Швеции, наболтал ярлу, что здесь, в финско-саамском «заповеднике» Биармии, богатства просто по веткам прыгают. Хоть руками лови. А народ настолько дикий и простодушный, что готов за ножик из сырого железа кипу собольих шкурок отдать.

Действительность оказалась не столь радужной. Но в целом не такой уж плохой. Вот только вокруг были чужие земли, а хирд у Торварда-ярла не так уж велик.

Дальше Торвард мог не продолжать. Сергей и так понимал: ярлу нужны союзники. Варяги — оптимальное решение. Сидят они не слишком далеко, но и не слишком близко. В пешей, так сказать, доступности. И с Новгородом, который существенно ближе, не особо дружат. Да и с прочими претендентами на обирание лесовиков — тоже.

То есть с выбором жениха все понятно. А вот с невестой — не очень. Но почему именно Колхульда? Вот же сидит старшая дочь Торварда Кольгрима. Вполне симпатичная девушка, разве что мрачноватая.

А куда это подевался Стурла?

Сергей прошелся взглядом по длинному столу. Нет гордого хольда. Где-то внутри тревожно пискнула интуиция. Не к добру.

Но Сергей проигнорировал сигнал. В самом деле, что может сделать хольд тем, кого ярл объявил гостями? Слюной захлебнуться от злости?

Ага, Машег уже тискается с какой-то девкой. А вон Клеп. Что-то втолковывает соседям напротив, стуча по столу кружкой. Похоже, набрался дренг-отрок. Ну

ничего. Траин за ним присмотрит. Остальные... Вроде нормально все. Никто ни с кем не ссорится.

Торвард что-то спросил. А, его интересует происхождение меча.

— Славная была битва, — в лучших традициях ответил Сергей. — Прежде им бил врагов хевдинг по имени Вандиль Крепкая Сеть. Слыхал о таком?

Нет, ярл не слышал.

— Он и его племянник Тови в вик ходили с датским конунгом Кнудом. А потом решили наши вяржские земли пограбить.

— И что же? — поинтересовался сосед ярла Грум Три Скалы.

— А сам как думаешь? — усмехнулся Сергей.

— Весело было, — вмешался Дерруд. — Я тогда многих убил. Пока наш ярл в священную ярость не впал и едва меня не прикончил.

— Наш ярл? — удивился Торвард.

— Ага. Я был тогда не с ним, — хлопок по плечу Сергея. — В хирде Тови Торвисона. Старший, не возражаешь, если я расскажу?

Сергей не возражал. Он был уверен, что Убийца подаст свою историю правильно.

Не ошибся. Дерруд не пожалел красок, чтобы показать себя великим воином. Но и Сергей стоял с ним вровень. Мол, Дерруд сразу понял, что Вартислав — великой удачи и храбрости человек. И в поединке был готов с ним, Деррудом, сойтись при первой же встрече. И потом, когда им выпало биться, по счастью не до смерти, сумел ему, Убийце, противостоять достойно, и никто никого не убил. И о щедрости безмерной, которую Сергей явил позже, тоже рассказал, не забыв сообщить, что серебро это Сергеем в бою добыто.

Удача, храбрость и щедрость — вот качества настоящего вождя. Потому он, Дерруд, будет с радостью убивать для Вартислава. А надо будет за него умереть, так и умрет.

— Не надо умирать, — попросил Сергей, попытавшись обнять Дерруда. Вышло непросто. Плечи у дана — широченные. — Не надо умирать, Дерруд Сиггтрюгсон. Кто тогда будет моим первым ярлом, когда придет время?

Хорошее пиво у Торварда. Особенно после первых двух литров.

* * *

Прежде чем что-то решать по претенденту на приданое и руку младшей дочери, ярл решил посоветоваться.

Позвал двоих. Грума и Кари. Последнего потому, что тот лучше знал юного нахала. Хотя нет, называть нахалом того, кто подарил тебе мечту, неправильно. Эйфория уже прошла. Отчасти. Однако каждый раз, когда Торвард касался рукояти франкского меча, теплая волна накрывала его, и губы невольно растягивались в доброй улыбке. Непривычное дело для мимических мышц ярла.

— По годам он мальчишка, а держится, будто сын конунга, — высказался Грум.

— Сыновья конунгов тоже бывают юными, — заметил ярл. — Не удивлюсь, если и этот таков. Кари!

— Я шел с ним от главного гарда Стемида-конунга, — неторопливо, взвешивая каждое слово, произнес племянник. — Успел присмотреться. Так скажу: власть у него в крови. Дренгом стал год назад, а в начале осени Стемид его поднял. И даже не в хускарлы,

а сразу в хольды. Глупый и кичливый возгордился бы, юный, но разумный проявлял бы осторожность, искал советчиков и поддержки. Этот приказывает, не задумываясь, ни у кого не спрашивая и не сомневаясь, что приказ будет исполнен. И взгляд у него временами такой... Прямо как у тебя, дядя. Словно он — ярл, а ты его хирдман. По мне, так это явно говорит о благородной крови.

— А что говорит он сам? Кто он по происхождению? — спросил Три Скалы.

— Говорит, что он — старший в роду, — Кари чуть усмехнулся. — Говорит: сказать больше ему не позволяет гейс¹.

— Гейс, значит... — Торвард коснулся меча и улыбнулся. — А что о нем говорят люди?

— Разное говорят, — Кари помедлил.

Ярл не торопил. Сидел, задумавшись, крутил в пальцах косичку бороды.

— Говорят: то ли он сын какого-то конунга из дальних стран, то ли вообще... бога. — Кари поглядел на дядю: не улыбнется ли? Не улыбнулся.

— Еще вроде бы, что Ререх его у каких-то вестфолдингов отбил. Парень сам его окликнул, по имени назвал, хотя Ререх его тогда впервые увидел. Еще говорят: удача у него — не у всякого князя такая. Полтора года назад одно исподнее на нем было, да и то чужое, а теперь большой дом в главном Стемидовом гарде, серебра-золота не счесть. Стемид его,

¹ Гейс — у скандинавов клятва-обет. Например, сын Хальфдана Черного Харальд принял гейс не стричь волосы, пока не подчинит всю Норвегию. А поскольку задача была непростая, то его прозвали Харальдом Косматым. А потом, когда он все-таки выполнил клятву, переименовали в Прекрасноволосого.

мальчишку, хольдом назвал. Был бы он конунгу сын, тогда понятно, но ведь не сын. Даже не родич.

— Думается мне, хочет он удачу этого Вартислейва присвоить, — рассудительно произнес Три Скалы.

— Да ты погляди, дядя, каких людей он вокруг себя собрал. Пегобородый, которого Милошем зовут, точно не простой хускарл. А уж Дерруд... Ты ж его видел, дядя. Видел, что у него на руках написано.

— Видел, — ярл задумчиво пожевал рыжеватую косицу. — И раньше я его тоже видел. Этот Дерруд был поединщиком у конунга Олафа Груды Развалин. Убил для конунга многих. А ушел, когда тот не позволил ему кровника убить.

— Громкая вышла история. Я тоже ее помню, — проворчал Грум Три Скалы. — По мне, так это неправильно. Запретить хольмганг тому, кто за тебя на отмель встает...¹ Так негоже.

— Он — конунг, — желчно отозвался Торвард. — Для конунга то же, что ему выгодней! — Ярл стиснул оголовье нового меча и сразу успокоился. — Когда Дерруд ушел, Олаф очень рассердился. Объявил, что лишает его своей защиты. По мне, так это совсем уж не по чести было. Убивал Дерруд для конунга, но убивал-то Дерруд, так что у многих на него обида была. Однако Убийца все еще жив, а это говорит о нем многое. И о нашем юном хольде — тоже.

— А слышал, как Дерруд сказал, что умрет за него? — напомнил Три Скалы. — По мне, так и эти слова многого стоят.

— А по-моему, важней то, что парнишка ему ответил. Вот это слова истинного вождя.

¹ Напомню, что изначально хольмганги проводились на заливаемой отливом отмели.

— Сын Геллира-ярла тоже с ним, — сказал Кари. — Тот молодой, беловолосый, в кольчуге без рукавов.

— Геллира-ярла? — Торвард нахмурился, вспоминая.

— Геллир Свирепый. Похож на тебя, ярл. Люди говорят: когда-то была земля в Вестфольде, которая теперь отошла сыну Харальда-конунга Бьерну Мореходу. Стемид-конунг принял его, потому что Свирепый приходится ему родичем по первой жене. Но Геллир хоть и без земли теперь, но все же ярл. И отец его был ярлом, и дед. И все же Свирепый отдал своего сына не равному в хирд, а Вартислейву. И думается мне, непростя так поступил.

— Я бы сына в чужой хирд не отдал, — Торвард снова нахмурился.

Его единственного сына убили три года назад. Остались только дочери.

«Я еще не так стар! — с ожесточением напомнил себе Торвард. — У меня две жены, и младшая ждет ребенка. Это может быть мальчик. Это должен быть мальчик!»

И пока сын будет расти, Торвард должен как следует закрепиться на этих, все еще чужих для него землях. И набрать достаточно денег, чтобы рассчитаться по долгам. В первую очередь — со Скельдумом. Ярл еще больше нахмурился. Как же ему не хотелось отдавать родной фюльк в чужие руки. Пусть даже это руки давнего соратника и будущего родича. Но выбора не было. Да и родство со Скельдумом принесет немалую пользу. Конунг Скельдума ценит. А родство со Стемидом-конунгом стало бы неплохим подспорьем здесь, в Биармии. А что даст ему родство с мальчишкой, у которого нет сильной родни?

Или — даст? Неспроста же служат ему Дерруд Убийца и молодой Геллирсон. Откуда у юнца такая сила? Нет, в этом стоит разобраться.

— Я буду говорить с ним, — сказал ярл. — Но завтра. Сегодня... — ярл погладил оголовье меча. — Сегодня у нас — праздник. Пусть наши гости увидят: я тоже умею быть щедрым.

Сказал... и поморщился. Настроение внезапно испортилось. Каждый день ярл думал о том, кто носит это прозвище. Каждый день убеждал себя, что два года назад поступил правильно. А если нет?

* * *

— Да, у меня есть еще одна дочь, — сказал Торвард. — Старшая. И она еще красивее Колхульды. Ты ее видел.

— Да, — подтвердил Сергей. Подтвердил, что видел, а не то, что красивее. Впрочем, на вкус и на цвет... — Уверен, Ререху Стемидсону она понравится.

— И я отдал бы ее, — подхватил ярл. — Но — увы. Я уже обещал ее другому.

— Кому же? — Сергей сумел уловить подтекст. Возможность. Не будь ее, они бы не вели этот разговор.

— Его зовут Скельдум Щедрый. Он — ярл, чей фюльк располагается рядом с моим. Когда-то мы вместе ходили в вик.

И чуть заметно поджал губы. А потом не слишком охотно добавил, что временно передал соседу управление своими землями. На три года. А тот взамен оплатил кое-какие долги Торварда и выделил ему деньги на путешествие сюда и обустройство на новом месте.

Итак, доход за три года в обмен на возможность улучшить благосостояние. Много это или мало, сказать невозможно, поскольку Сергей понятия не имел о доходности переданных в аренду земель. Но интуиция подсказывала: вряд ли Торвард доволен этой сделкой. И столь же маловероятно, что ярл испытывает к коллеге по разбойничьим рейдам искреннюю симпатию.

— Мне кажется, ты, ярл, не хочешь этого брака? — высказал предположение Сергей.

— Хочу или нет, не важно. Я обещал Скульдому Щедрому, что он станет ее мужем.

Допустим. А как насчет формальностей?

— Свадебный дар вручен? — поинтересовался Сергей.

— Нет. Но мое слово — есть.

— А что будет, если Скульдум Щедрый откажется от твоей прекрасной дочери?

— А у твоего отца, случайно, не рыжие волосы? — поинтересовался ярл.

— Будь моим отцом Локи, я бы этим гордился! — ухмыльнулся Сергей. — Но тогда мой друг Харальд Скулдисон назвал бы меня Хитрым, а не Дерзким, и не подарил бы мне кольцо своей матери, — Сергей постучал пальцем по невзрачному серебряному колечку с руной Райдо.

— Ярл Харальд Скулдисон, которого прозвали Берсерком?

— Харальд Скулдисон, Берсерк, — кивнул Сергей. — Но я знал его уже как Харальда-конунга.

В общем, почти не соврал. Вождь, у которого в подчинении аж пять кораблей, вполне достоин звания конунга. Точнее, секонунга, то есть — морского,

безземельного. Впрочем, с хорошей дружиной избавиться от предлога «се» вполне реально.

— Мы друзья, — уточнил Сергей. — И я горжусь этой дружбой.

Удостоился пронизывающего взгляда.

Молчание нарушил Сергей:

— А велик ли хирд у Скельдума-ярла?

Удостоился еще одного взгляда. Нет, *взгляда*.

Впрочем, и ответа тоже:

— Хватит, чтобы весь день гнать четыре больших драккара.

То есть человек двести пятьдесят — триста. Неслабо.

— И драккары у него тоже имеются? — уточнил Сергей.

Да, драккары имелись. И на берегу не простаивали.

— Прежде Скельдум повеселее жил, — сообщил Торвард. — В вики ходил часто. А прозвище свое еще в молодости получил. Когда с соседним бондом из-за земли поругался и в ту же землю его и закопал. Живьем. Сказавши: вот тебе земля, бери, сколько сможешь, мне не жалко. Вот его Щедрым тогда и прозвали. Виру, Впрочем, заплатил, не пошел против тинга. Но торговался так, что его едва из Щедрого в Жадного не переименовали. Хорошо торговался.

В голосе Торварда звучали одновременно и одобрение и неприязнь.

Если прежде у Сергея и были какие-то сомнения по поводу силового решения вопроса, то после рассказанной Торвардом истории они исчезли.

— Тогда ты ему дочь и пообещал? — поинтересовался он.

Оказалось, нет. Попозже.

— Сюда наши ходят, — сказал Торвард. — И мы ходили. Путь неблизкий, но торговля выгодная.

Свеям, чтобы попасть сюда, приходилось идти по Северному морю. Впрочем, бешеным викингам семь сотен миль — не крюк, как говорится.

Хорошо тогда сходили ярлы. А потом удача от Торварда отвернулась. А Скельдум, напротив, неплохо поднялся на торговле с англами. Настолько разбогател, что выгнал старшую жену, которая никак не могла родить ему наследника. У младшей, правда, тоже ничего не получалось, но она была молодая и симпатичная, пусть и не принесла ярлу большого приданого, в отличие от старшей.

Ну да, развод у нурманов — дело возможное. Однако муж при разводе обязан это самое приданое вернуть. И еще от себя добавить, если родня у бывшей сильная.

Денег хватило. Избавился Щедрый от старшей супруги. И теперь желал заполучить новую. Причем дочь Торварда он брал именно старшей, что было между ярлами особо оговорено. Хотя особого приданого за ней не будет. Это тоже оговорили.

И многозначительный взгляд, адресованный Сергею.

— Ререх твою дочь тоже старшей возьмет, — заверил Сергей.

Почему бы и нет? Других жен у княжича не имелось, а появятся, так пусть сам и решает, кому из них рулить.

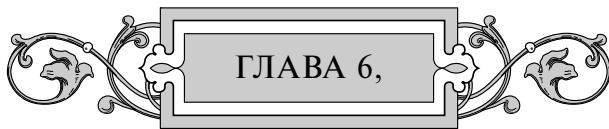
— И я твою Колхульду тоже старшей беру! — сообщил Сергей с важностью. — И на что тебе теперь этот Скельдум Щедрый? Он — далеко, а мы — близко.

Вот так. Поставить рядом себя и Ререха. И пусть ярл думает. А Сергею надо срочно придумать, как нейтрализовать Скельдума и освободить потенциальную невесту. Но время еще есть. До открытия судходства еще куча времени.

Сергей узнал от ярла ровно столько, сколько тот удосужился сообщить. И сделал неправильные выводы.

А еще он не сообщил Торварду о чужих «железных людях», про которых толковали местные. Решил, что Стурла, контактивший с лесовиками намного плотнее, уже поставил своего ярла в известность. А может, и не было никаких чужаков?

ГЛАВА 6,

*в которой Сергей узнает новые подробности
о женихе Кольгримы Торварддоттир*

«Куча времени». Так думал Сергей. И ошибался. Времени не было. Совсем.

Зато выяснилось: Сергей может не беспокоиться о том, как уговорить Скельдума-ярла отказаться от обещанной невесты. Бесмысленно уговаривать того, кто, преодолев немалые трудности и тысячи миль пути, лично явился для того, чтобы ее заполучить. И ее, и приданое, в качестве которого он рассматривал все движимое и недвижимое имущество ее папы.

Пришел же он, естественно, не один, а с двумя большими сотнями хирдманов. Огромным войском по здешним меркам.

Полная неожиданность. В первую очередь для Торварда-ярла. Тот появление потенциального зятя если и допускал, то уж точно не в середине зимы.

Логично. Судоходный сезон закрылся много месяцев назад. Пешком же из Швеции, мягко говоря, далековато.

Но Скельдум пришел не из Швеции. В начале осени он отправился погостить к своему родичу-эсту, да там и остался. Там и Йоль отпраздновал, подбедая последние припасы родича, который даже если и хо-

тел бы показать гостю со товарищи на дверь, сделать это не рискнул.

Через пару недель после зимнего праздника Скульдум ушел сам. Поставил бойцов на лыжи и двинулся не спеша вокруг будущего Финского залива, обдирая попутные селения. Маршрут своего ледового похода Скульдум Щедрый представлял весьма примерно, был уверен, что при содействии местных жителей непременно доберется до цели. В их же содействии Скульдум тоже не сомневался, поскольку умел быть убедительным. Особенно там, где его превосходство в силе было абсолютным.

Впрочем, пока ярл шел по более-менее освоенным землям, он не нарывался. У тех же полочан или плесковцев, не говоря уже о новгородцах, хватило бы сил накидать даже двум сотням нурманов. Поначалу Скульдум даже платил за припасы. Иногда.

И только когда путь привел Щедрого в настоящие лесные дебри, ярл осознал, что переоценил заселенность здешних земель.

Скульдум уже бывал в этих краях, но только летом. Зимой же все выглядело иначе. Намного суровее. Здесь не было дорог, которые вели к обжитым местам. Только сугробы, помеченные звериными следами, вековые сосны да белые плечи замерзших озер. Не факт, что ярл вообще дошел бы до цели, если бы не отыскал неожиданного союзника.

Но и это выяснилось позднее. К сожалению.

Так или иначе, но Скульдум пришел. И в воздухе отчетливо запахло смертью.

Нет, могло быть и хуже. Например, ярл мог войти прямо в открытые ворота. Вряд ли несколько дренгов смогли бы его остановить. Вот это была бы катастрофа.

Но, к счастью, за день до того в гард прибежал местный саам-охотник и оповестил о появлении «железных людей». «Совсем, совсем плохих железных людей», которые убили всех обитателей стойбища. Тех, кто не успел убежать. Этот убежал. Потому что его должны были допрашивать последним. Перспектива мучительной смерти настолько взволновала саама, что он по-волчьи перегрыз ремни, которыми его связали, и прибежал к ярлу. Мол, помогай-спасай! Зря, что ли, дань тебе платим!

Торвард, понятно, спасать никого не бросился. Информация о противнике у него была, мягко говоря, неточная: «очень много плохих людей с хорошим железным оружием». Бросать своих хирдманов в бой против неведомого и, скорее всего, численно превосходящего врага ярл не собирался. И Сергей его отлично понимал. Что же до «платим дань», то Торвард справедливо полагал, что дань ему платят не за гипотетическую защиту, а потому что пусть только попробуют не платить.

— Кари, разведай, — приказал он племяннику. — Грум! Людей — в гард! Все готовить к обороне!

Тоже правильно. Лишним не будет.

— Сааму дать четверть эйрира серебром. Из гарда не выпускать.

И снова верно. Даже щедро. Почти семь граммов серебра. Гигантская сумма по меркам аборигенов.

Кари вернулся часа через три. Вести принес недобрые. Ворогов сотни две, и вороги — серьезные. Нурманы. И вооружены качественно. Кари сумел подобрать достаточно близко, поскольку дозорами пришельцы не заморачивались. К сожалению, взять «языка» не

получилось. Никто из чужаков в одиночку в лес не ходил.

Пришельцы никого не опасались. Пообедали горячим, дорезали оставшихся пленников, в основном женщин, встали на лыжи и уверенно двинулись в сторону Торвардова гарда. Словно точно знали, куда идти.

Тут уж и Кари ждать не стал. Рванул с максимальной скоростью в том же направлении. Опередел. Ненамного, но достаточно, чтобы успеть запереть ворота. Тем более подготовка к обороне была уже практически завершена.

Тут уж Торвард не раздумывал. Бойцов у него было человек восемьдесят. Для атаки накратно превосходящего противника маловато. А вот для обороны может и хватить.

— Твои со мной? — спросил он Сергея.

— Да.

Без вариантов. Нет, вариант на самом деле был. Возвращаться в Белозеро, предложив ярлу забрать с собой Кольгриму.

Только Торвард вряд ли согласится. Да и Стемиду, скорее всего, не нужна будет невестка, за которой не стоит папа-ярл. Вдобавок команда Сергея может оказаться той самой гирькой, которая позволит удаче Торварда перевесить фортуна противника.

Однако удача сыграла на стороне врага. Начался снегопад, и защитникам пришлось ждать появления противника в условиях сильно ограниченной видимости.

Однако первым к запертым воротам гарда пришел, вернее, прибежал не неведомый враг, а Стурла с тремя хирдманами-родичами.

И сразу заорал, чтобы ворота немедленно открыли. Ему.

И их открыли бы (хольд как-никак), но на заборе очень удачно оказался Три Скалы. Обругав Стурлу за то, что шляется невесть где, когда враг вот-вот нападет, Грум велел скинуть хольду и его людям веревку, по которой те и вскарабкались наверх.

— К девкам ходили, — пояснил Стурла, переводя дух. — А у вас тут... Ух!

«Ух» относилось к возникшим из белого марева вражеским хирдманам.

— Ярла позови, — приказал хольду Три Скалы. — Скажи: гости прибыли. Щедрый пришел.

Грум не разглядел лица Скельдума-ярла. Признал его по доспехам.

Затворенным воротам Скельдум, похоже, удивился. Встал неподвижно и смотрел на приготовившийся к обороне город. Ничего не предпринимал.

Надо полагать, ждал появления потенциального родича.

Торвард не заставил его ждать долго. Поднялся на стену и громогласно поинтересовался, что Скельдум тут делает.

— Погостить пришел! — крикнул Щедрый. — Тебя удивляет, что я пришел повидать своего друга и родича?

— Я тебя не ждал! — парировал Торвард. — Почему ты здесь?

— Друг мой Торвард! Я пришел сообщить тебе, что с твоей землей все хорошо! Но я беспокоился о тебе. Вдруг в этой чужой земле с тобой что-то случилось? Я беспокоюсь о тебе, друг мой Торвард!

— Как видишь, у меня все хорошо! — последовал ответ со стены. — Мои стены крепки, а люди надежны.

— Я рад! — сообщил Скульдум. — Это хорошо, когда можешь доверять своим людям. Доверие и дружба — вот настоящее богатство.

Торвард не стал спорить. Ждал продолжения.

И, разумеется, дождался. Скульдум решил протестировать интеллект коллеги-ярла.

В ультимативной форме, апеллируя к богам и обычаям, потребовал оказать ему и его людям должное гостеприимство. Мол, шли они издалека, замерзли, проголодались, и посему Торвард-ярл, как человек не чужой, должен немедленно предложить им стол, кров и прочее. Тем более что привело их сюда исключительно беспокойство о Торварде и его дочери Кольгриме.

— Боги велют нам не отказывать гостю в приюте! — зычно провозгласил он, встав напротив закрытых ворот.

— Я и не отказываю! — отозвался Торвард. — Охотно впущу тебя и пять... нет, даже десять твоих людей!

— А остальным что же? Умирать от голода и холода?

— За стенами моего гарда достаточно домов, чтобы укрыть от вьюги твои сотни! — возразил Торвард. — Что же касается пищи, то они могут съесть все, что они отыщут в домах моих людей! А еще они могут поохотиться в моих лесах! Я не возражаю!

Щедрый подумал немного и заявил, что согласен.

— Ворота приоткрыть, только когда я скажу, — распорядился Торвард. — Стрелки на стены — в готовности. Грум, три десятка к воротам. Эти пусть заходят по одному. Попробуют собрать строй — сразу бейте.

— Эй, там! Открывай ворота, мы тут уже замерзли! — крикнул Скельдум.

Ага, сейчас.

— Ты и еще десять! — отозвался Торвард. — А остальные пусть отойдут подальше!

— Торвард! Ты же меня знаешь! Ты мне, считай, родич! Неужели ты думаешь...

— Думаю! — гаркнул со стены Торвард. — Я знаю тебя, Жадный! Хочешь стать моим гостем — вели своим хирдманам отойти подальше. На три броска копыа будет довольно!

— Это твое недоверие обидно! — заорал Скельдум. — Даже оскорбительно!

— А мне, Скельдум, обидно и оскорбительно, когда называющий себя гостем убивает моих данников! — парировал Торвард.

— А я слышал, что твоих данников убивают многие! И это не мешает им быть твоими гостями!

«Ого! Интересно, а откуда у Скельдума такие сведения? — подумал Сергей. — Пожаловался кто-то из местных? Или...»

— Милош, — окликнул Сергей гридня. — Присмотри за Стурлой.

— Присмотрю, — отозвался гридень, который еще недавно сам был шпионом западных полян и понимал, что обеспокоило Сергея. — Мне он тоже подзрителен.

— Так что? Сделаешь, как я сказал, или испугался? — Теперь уже Торвард перехватил инициативу.

А ведь верно. Кто ему мешает прикончить Щедрого, когда тот окажется внутри гарда всего лишь с десяткой бойцов? Гость-то священен. Но если бы для того, чтобы стать гостем, достаточно было перелезть

через стену, то любой воришка мог бы претендовать на этот статус.

— Хочешь, чтобы мои люди искали поживу, словно псы? — возмутился Скельдум. — Тому не бывать! Ты вновь оскорбил меня, Торвард! Вижу я теперь: не будет мира между нами!

— Ты так сказал, не я! — крикнул в ответ ярл. — Я войны не ищу, но от битвы не бегаю! Ты меня знаешь!

— Ну так выйдите тогда и встаньте против нас, как мужчины перед лицом богов!

Очень щедрое предложение. Выйдите и умрите, значит. Как мужчины.

Нет, умирать, как мужчина, у Сергея не было ни малейшего желания. Жить — другое дело.

И потенциальный тесть, похоже, был с ним полностью солидарен.

— А не пойти ли тебе домой! — крикнул в ответ Торвард. — Ты ведь понял: тебе здесь не рады!

Не вышло. Но Щедрый не отчаялся. Внес новое предложение.

— Тогда поединок! — заорал он. — Твой боец против моего!

Интересное предложение.

— Если мой победит, ты откроешь ворота, если твой — я отступлю от твоего гарда!

Нет, не интересное.

Хольды оживились.

Не все.

— Обманет, — уверенно заявил Три Скалы.

— Так и мы можем его обмануть! — воскликнул Стурла. — Пообещаем открыть ворота, но не скажем когда.

— А драться ты будешь, умник? — поинтересовался Три Скалы.

— Да хоть бы и я.

Но энтузиазма в голосе Стурлы не слышалось.

Потом взгляд его упал на Дерруда.

— Но лучше, если он. Говорят, ты был поединщиком конунга Олафа, Убийца?

Ух ты! Впрочем, что-то подобное Сергей и подозревал.

— Груда Развалин щедро платил мне, — заметил Дерруд. — А ты, Стурла, не похож на богача. Да и не службу я больше Олафу. Вот мой вождь. Но ему этот бой не нужен.

— Эй, Торвард! Что решил? — раздалось снизу.

— Почему ты думаешь, что мне не нужен этот бой? — заинтересовался Сергей.

Он чувствовал: если Дерруд отказывается драться, то это неспроста.

Но обсуждать это при посторонних Сергей не собирался.

— Ярл, я хочу поговорить с моим человеком.

Торвард пожал плечами. Мол, твое право. И образил отсутствие заинтересованности. Но Сергей чувствовал: ярлу очень хочется, чтобы Дерруд за него вписался. Это же прекрасный вариант. Не рисковать своим человеком, и снять все дивиденды, если Убийца победит. Ведь даже если Скельдум и не станет выполнять договоренность, все равно первая кровь будет за Торвардом. А это неплохо так поднимет боевой дух обороняющихся.

— Это не наша война, Варт, — сказал дан, когда они спустились со стены и отошли в сторонку. — Это их война, а они нам не родичи и даже не друзья. Вон та крыса, — жест в сторону пялившегося сверху Стур-

лы, — натравил на нас бондов, потом хотел обобрать. И ярл не наказал его за это. А нас за свой стол посадил, когда ты вручил ему меч, который Вандиль снял когда-то с убитого им германского ярла. Лучше бы мне его отдал. Этот Торвард не достоин такого клинка.

— У тебя будет меч не хуже! — пообещал Сергей. — Перун свидетель моему слову! Но сейчас мне нужен твой совет. Что бы сделал ты на моем месте?

— Я бы сюда не пришел, — дан качнул головой.

— Однако мы уже здесь. И ты, и я. Что дальше?

— Я уже сказал. Зачем нам биться за этих свеев? Лично я сожалею только о Вандилевом мече. А свеи пусть убивают друг друга, если им так нравится. Уверен: те, что снаружи, не станут возражать, если захотим уйти.

— Я тоже так думаю, — согласился Сергей. — Но кое в чем ты не прав. Торвард — мой родич. Почти. Станет им, когда я женюсь на его дочери.

— Так он отдает ее за тебя? — уточнил Дерруд. — Он так сказал?

— Нет, но...

Дерруд улыбнулся, положил руку Сергею на плечо:

— Я видел таких, как этот ярл. Верить им нельзя. Да и зачем? Тебе так нужно то, что Торвард даст в приданое? Уверен, оно даже трети от цены Вандилева меча не составит. А когда этот второй ярл его убьет, Стемид будет только рад отдать за тебя Колхульду, а для своего сына будет искать другую невесту. И этой невестой точно не станет старшая дочь Торварда.

— Я и сам думал о том же, — признался Сергей. — Но Торвард может и победить. Особенно если мы встанем на его сторону. Но тебе совсем не обязательно сражаться на этом хольмганге. У Торварда хватает собственных бойцов.

Дерруд фыркнул.

— Я никогда не отказывался от поединка! — заявил он. — Но драться за чужака не стану! Пусть он скажет свое слово, и тогда — поглядим.

— Он скажет, — пообещал Сергей. — Спасибо, Дерруд!

— Я не говорил, что отдам тебе свою дочь! — На заданный вопрос Торвард ответил так же прямо. — Но сейчас, когда мы встали рядом против врага, я говорю: да, Вартислав, я отдам тебе женой мою Колхульду! Я говорю, и все это слышат!

Впрочем, Сергей понимал: если победит Скельдум, все обязательства Торварда станут неважны. А чтобы он не победил, Торварду нужны союзники. Они.

Но прежде чем Сергей успел выразить свою признательность, снова вмешался Дерруд.

— Сказано хорошо, — одобрил Убийца. — Но сказано не все. Мы не услышали, что ты дашь в приданое своей дочери!

Точно. Как Сергей мог забыть? Вот что главное в здешних браках. Отнюдь не симпатичная мордашка. Вдобавок, серебро — это не только ценный металл. Это еще и мера уважения. Он преподнес ярлу ценнейший меч, а тот даже паршивым колечком не отдалился. Всего лишь объявил о снятии претензий.

— Сейчас не время обсуждать это! — воскликнул Торвард. — Враг у ворот!

— Сейчас — самое время, — ухмыльнулся дан. — Я вижу тебя насквозь, Торвард-ярл! И пока я рядом, тебе не удастся обмануть моего хевдинга.

Вот это хорошо сказано. Хевдинг — это вождь. Это статус, позволяющий говорить с ярлом практически на равных.

Торвард ответил не сразу. Сначала глянул вниз, на вражеское войско, на белый щит над головой своего несостоявшегося зятя. Да, подсустились вороги, притащили универсальный знак мира, пусть и временного. А вот насчет зятя, не забегает ли Сергей вперед? Вот возьмет Скельдум крепость, и дочку Торвардову тоже возьмет. И все остальное. Причем не здесь, а там, на свейской земле. Насколько понял Сергей, земли Торварда во временном управлении Скельдума. А могут оказаться в постоянном, если Кольгрима станет его женой, а тесть отправится в Валхаллу.

— Эй, Торвард! Ты там не спать улечься?

— Если мы не побьем Щедрого, Вартислав не получит ничего! — заявил ярл.

— Ну почему же? Если мы уйдем, твоя дочь все равно будет с ним. Без приданого мой хевдинг вряд ли возьмет ее женой, только наложницей...

Дерруд сделал паузу, дав возможность Торварду переварить информацию.

Сергей не вмешивался. Не портил дану игру.

— Хорошо! — раздраженно воскликнул ярл. — Я дам приданое. Достойное приданое! Серебро или землю!

— Серебро и землю. — И сразу уточнил: — Сколько?

Торвард бросил еще один взгляд вниз:

— Пятьдесят... Нет, семьдесят марок! И землю...

— Мне не нужна земля, — Сергей решил, что уже можно вмешаться. — Мне нужны воины. Ты дашь мне их. Пять... Нет, семь! — он тоже ухмыльнулся, спародировав интонацию, с которой Торвард полчаса назад определял количество спутников Скельдума. — Хороших воинов. Настоящих хускарлов.

— Дам, — проворчал ярл. — Если они согласятся...

— Само собой. Мы договорились?

— Договорились, — буркнул Торвард. — Шестьдесят марок и семь воинов. Теперь твой хускарл будет драться?

Сергей вопросительно глянул на дана.

— Конечно, буду! — Дерруд продемонстрировал, что зубы у него в полном комплекте. — Не было тако-го, чтобы я мог кого-то убить и не убил. Ну разве что мой хевдинг меня очень попросит! — И бросил многозначительный взгляд на Стурлу.

— Как я могу лишить тебя удовольствия, Дерруд? — в тон ему улыбнулся Сергей. — Убей этого свея!

Не факт, что Торварду понравилось сочетание «убей свея», но возражать он не стал. Уперся ладонями в бревна стены, привстал и гаркнул зычно:

— Эй, Скельдум! Я согласен на поединок!

Щита у Деррудова противника не было. Доспехов тоже. А одет он был явно не по-зимнему: гол до пояса.

Голый. Распушенная грива. Всклокоченная борода. По мечу в каждой руке. Нетрудно догадаться...

— Берсерк! — выдохнул Траин. — У этого сына шелудивой свиньи берсерк-поединщик!

Сергей забеспокоился. Берсерк — это очень неприятно. Харальд, правда, голышом не бегал. Может, этот другой породы? Не такой крутой?

— Варт, давай я стрельну! — предложил Машег. — Со стрелой в башке он сразу успокоится!

— Стрельнешь, — разрешил Сергей. — Но только если дела у нашего Убийцы пойдут совсем плохо.

Если Дерруд и впрямь был поединщиком конунга, а это почти наверняка так и было, то ему наверняка приходилось сталкиваться с подобной публикой. Берсерками, ульфхеднарами и прочими любителями погрызть деревяшку и напустить слюней в бороду.

Сергей поглядел на Торварда. Тот явно пришел к такому же выводу. Спокоен, как замерзшая лягушка.

Дерруд неторопливо двинулся навстречу полуголому. Двое Торвардовых хирдманов наблюдали за поединщиками в просвет между створками, готовые при неудачном исходе немедленно закрыть ворота.

Берсерк замотал головой, зарычал.

Дерруд остановился. Приглашающе постучал копьем по щиту.

Берсерк среагировал ожидаемо. Взревел подраженным туром и длинными прыжками устремился в атаку.

Дан сорвался с места, когда берсерк был от него в десяти шагах. За миг до столкновения Дерруд присел, полностью укрывшись за щитом.

И отлетел метра на два, когда берсерк сначала лупанул по щиту мечом, а потом врезался в него всей массой.

Дерруда отшвырнуло, но уже через секунду он снова твердо стоял на ногах.

А вот берсерк, тоже оказавшийся на земле, поднялся намного медленнее. И если встать он смог, то бегать — уже нет. Только ковылять.

В краткий миг боестолкновения Дерруд ухитрился достать его ступню. Похоже, достаточно серьезно. Крови не видно, но это ни о чем не говорило. Берсерк же.

Воин Одина, само собой, не сдался. Доковылял до противника и набросился на него со всем нерастраченным пылом. Скорость ударов впечатляла. Мечи так и мелькали. Но — впустую. Сверху было отлично видно, как Дерруд, пользуясь ограниченной подвижностью противника, ловко, даже элегантно, уходит от

атак. Интересно, он будет ждать, пока у безумца кончится заряд, или...

Или. Дерруд ухитрился подловить одержимого, и тот опять оказался на снегу. И на этот раз встать у него получилось только на колено. Дан позволил ему это сделать... И снова опрокинул его ударом щита. Берсерк взревел и метнул в Дерруда один из мечей. Дан отбил его небрежным взмахом щита, шагнул вперед, взмахнул копьем и всадил его в голую грудь противника, практически доказав, что, вопреки слухам, безумие Одина не дает стопроцентной защиты от острого железа. Только дополнительную живучесть. Что противник Дерруда тут же и доказал, перерубив древко копья вторым мечом, выдернув наконечник и швырнув его в Убийцу.

Дерруд поймал его и хозяйственно запихнул за пояс. Потом подобрал брошенный берсерком меч и, не обращая внимания на бьющегося на снегу противника, неторопливо двинулся к воротам. Полминуты — и ворота закрыты.

Берсерк перестал дергаться, а из его ран наконец-то хлынула кровь.

Никто из людей Скельдума Щедрого не поспешил ему на помощь.

Осаждающие просто развернулись и ушли, бросив тело поединщика.

Однако праздновать окончание осады никто не торопился.

И то было правильное решение.

ГЛАВА 7

Сила и разум

Ночью резко похолодало, и началась метель. Каральным на стене стоило посочувствовать. Но терпели они не зря. Враг если и ушел, то ненадолго. Под утро люди Торварда заметили, как по посадку перемещаются тени. Метель мешала разглядеть толком, но в том, что это были чужие, сомнений не было. Все свои, включая бондов, живность и трэлей, были внутри крепостных стен.

Всякий, поднявшийся на забор, мог полюбоваться на то, как Скельдум-ярл держит слово. Вчера он от гарда отступил. Как и обещал. Ну а сегодня подступил снова. Все ожидаемо.

— В посадках шарятся, — озвучил очевидное Три Скалы.

— Пусть, — равнодушно отозвался ярл. — Там нет ничего достойного.

— Там дома, — возразил Сергей. — В них можно спать. В тепле.

Один из ярловых хольдов, здоровенный, рыжий, с заплетенной в три косички бородой, фыркнул пренебрежительно. И высказался в том духе, что настоящего викинга согревает битва.

— Так иди и согрейся, — предложил герою Дерруд.

Он пребывал в прекрасном настроении. Меч убитого берсерка оказался тем самым. Франкским. Если и похуже того, который подарил Торварду Сергей, то ненамного.

Сергей не сделал ровно ничего, чтобы он достался Убийце. Но тот почему-то считал, что меч ему подогнал именно Сергей. Или Перун, которым тот поклялся. Это же очевидно. Только-только пообещал — и вот.

— Так иди, согрейся!

Веселый Дерруд — то еще зрелище. Для парней с крепкими нервами. Хольд относился именно к таким, но ответить не успел, потому что Торвард велел ему заткнуться. Он был вождем и знал, что голодный и замерзший боец — не особо эффективный вояка.

Не выполнившие уговора враги шарились в посадке, как баба — в домашнем чуланчике. Совершенно безбоязненно. Метель. Видимость ничтожная.

В любом случае сделать они ничего не могли.

Или могли?

— Машег, можешь их достать? — спросил Сергей по-нурмански.

— Не уверен, — тоже по-нурмански ответил хузарин. — Снег плотный, ветер сильный, вдобавок порывистый. Могу попробовать. Эй ты, подвинься!

Рослый рыжий свей, тот самый, что обфыркал слова Сергея, даже не шевельнулся. Глянул сверху высокомерно.

— Оглох? В сторону, тебе сказано! — рявкнул Дерруд, хлопнув рыжего по шлему.

Свей покосился на ярла: мол, что это тут чужаки всякие...

Торвард мотнул головой, и недовольный свей шагнул в сторону.

Машег расчехлил лук, вынул из мешочка тетиву, накинул, но стрелять не спешил.

Снег пошел еще гуще. Ветер приутих, зато видимость упала метров до пятидесяти. Примерно столько же было до ближайшего врага, взобравшегося на крышу одного из домов и глядевшего на стену гарда из «трубы» накинутого капюшона. Сергею противник виделся размытым силуэтом. Один плюс: стоял враг неподвижно. Идеальная мишень... в другую погоду.

Машег скинул крышку с тула, выбрал две стрелы. Одну наложил на тетиву, другую воткнул в снег.

Хлопок. Стрела ушла... И ничего.

Никто не удивился.

Хузарин выдернул из сугроба вторую стрелу, но накладывать не стал. Обтер рукавицей и спокойно убрал обратно в тул.

А тот, кто стоял на крыше, упал.

— Что это он? — спросил кто-то удивленно.

— Умер, — по-нурмански ответил Машег.

— Быть не может! — воскликнул хольд, не желавший уступить место.

— Сбегай, проверь, — посоветовал Машег.

— Сам сбегай!

— Мне-то зачем? Я и отсюда вижу.

— Я тоже вижу, — сказал Торвард. — Ты лучший стрелок из всех, кого я видел.

— Да кого ты видел, ярл, — с иронией отозвался Машег. — В ваших краях со ста шагов в утку попасть не могут. В тихую погоду.

Торвард не обиделся. Только головой покачал. И с уважением поглядел на Сергея.

Ну да, короля делает свита.

Снегопад усилился. Видимость совсем упала.